

КРОКОДИЛ

ГОД ИЗДАНИЯ XVII

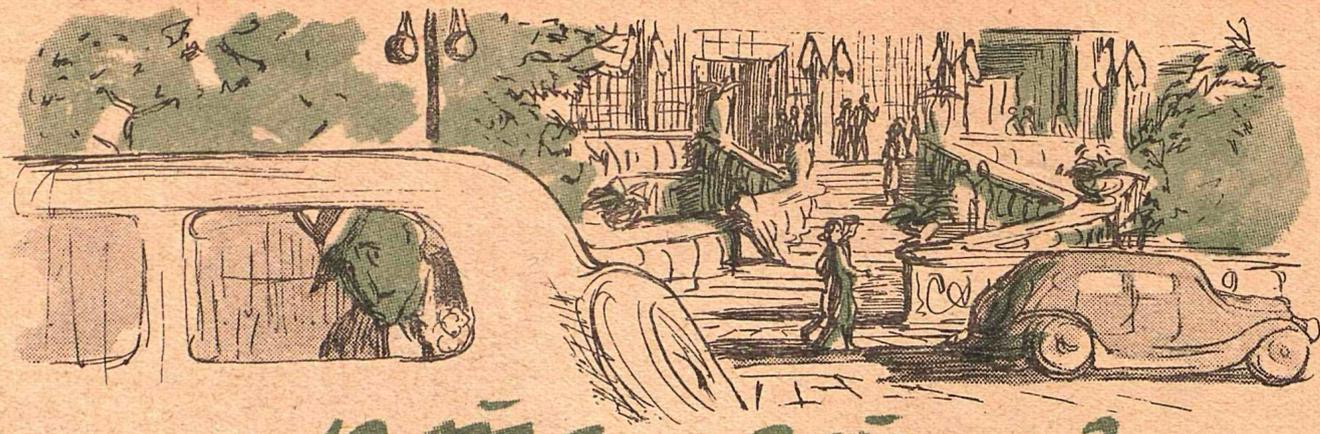
K556/38г

Рис. Л. Генча

Вот наши Коли, Миши, Веры,
Сияющие, как лучи,—
Бойцы, шахтеры, инженеры,
Поэты, летчики, врачи.

Парад внушителен и ярок...
И гул по всей стране прошел:
Спасибо за живой подарок,
Орденосный Комсомол!

Кто это?

К нам приехал из Капштадта
Мистер Боббин, интурист.
Был одет щеголевато,
А собою неказист.

С голубым цветком в петлице
В белой шляпе набекрень
Колесил он по столице
На «линкольне» целый день.

За рекой, в тиши окраин,
Он у спутника спросил:
— Между прочим, кто хозяин
Этих загородных вилл?

Из окна автомобиля
Спутник вывеску прочел

И сказал:— На этой вилле
Отдыхает Комсомол.

В тихом парке, на лужайке,
Высоко взлетает мяч.
Паренек в зеленой майке
За мячом несется вскачь.

— Чья спортивная площадка?
Кто играет в баскетбол?
Проводник ответил кратко
Тем же словом: «Комсомол».

Мимо берега крутого
Пароход, гудя, прошел.

На борту блестело слово
Золотое «Комсомол».

Мистер Боббин из Капштадта
Бровью черною повел
И сказал:— Живет богато
Этот мистер Комсомол!

— Да,— сказал он,— непременно
На прощанье надо мне
Посмотреть на джентльмена,
Знаменитого в стране!

Мимо каменных заборов
Проезжает интурист,
Слышит ровный гул моторов
И ремней протяжный свист.

Надпись четкую у входа
Переводчик перевел:
«Комсомольский цех завода».
Вот он, мистер Комсомол!

Шли с винтовками ребята
Из ворот военных школ.
— Вот,— промолвил провожатый,—
Вот он, мистер Комсомол!

Над домами реял летчик,
Как над скалами орел.
— Вот,— воскликнул переводчик,—
Вот он, мистер Комсомол!

С. МАРШАК

Плоды просвещения

ПЕРЕД нами стояли три мужика. Они были какие-то чудаковатые, неуклюжие. Странно было встретить таких людей в одном из самых передовых и культурных колхозов района.

Особенно обращал на себя внимание самый старший из них, лет семидесяти, с давно нечесаной длинной бородой, в лаптях, нервный, беспokoйный.

Они стояли у крыльца большого дома и разговаривали на каком-то весьма замысловатом языке.

1-й мужик (улыбаясь). Да уж это первым делом происходит. Как и мир нам предлагал.

2-й мужик. Уж это как водится.

3-й мужик (самый старший). И не толкуй! Потому, как мы много довольны... Как родители наши, скажем, вашим родителям, скажем, служили, так и мы желаем...

При этих словах вскакивает до сих пор молча сидевший на табурете вихрастый парень со значком ворошиловского стрелка на пиджаке и спокойно говорит 3-му мужику:

— Не желаем, а жалаем.

3-й мужик. Так и мы жалаем от души, а не то, чтобы как...

Парень со значком. Тут надо кланяться.

3-й мужик. Так и мы жалаем от души, а не то, чтобы как... (кланяется).

Плохо кланяется 3-й мужик. Остальные два мужика, глядя на него, не могут скрыть улыбок под своими густыми усами.

Парень со значком начинает нервничать, но старается сдерживать себя. Он подходит к 3-му мужику, который смущенно гладит свою седую бороду, и тихим ласковым голосом говорит:

— Петька, чорт плешивый! Если так будет продолжаться, тебя девушки не будут любить!..

Старик еще более смущается и начинает зачем-то тереть свои густые седые брови.

— Пойми, дедушка,— продолжает парень со значком,— ведь сегодня уже пятая репетиция, а ты никак освоить не можешь роль. В твоём лице Лев Толстой в «Плодах просвещения» нарисовал образ дореволюционного крестьянина, бедняка, робкого, запуганного, покорного. А вот эту покорность показать ты, Петька, никак не можешь... А ведь ты вообще способный актер... Пойдем дальше. Второй мужик, подай реплику.

2-й мужик. Четыре тысячи получи денежки теперь, значит, а остальные, чтоб обождают.

3-й мужик. Уж это будь в надежде, себя заложим, а того не сделаем, чтоб как-нибудь, а скажем как-никак, а чтобы, скажем, того... как должно.

Но режиссер опять недоволен:

— Не то. Роль ты, Петька, знаешь. Но говоришь без чувства. Робости больше подпусти! Робости! Чтоб в каждом слове твоём страх чувствовался. Пойми, ты стоишь перед всемогущим помещиком. Он тебя может в порошок стереть. А ты с ним разговариваешь, словно не он твой хозяин, а ты над ним господин. Петька, ты проваливаешь роль.

Репетиция продолжается. 3-й мужик всячески старается робеть, но получается это у него из рук вон плохо. Режиссер вне себя.

— Катастрофа! — обращается он к нам. — С Петькой прямо катастрофа. Это наш тракторист Петя Кудряшев. Один из лучших актеров драмкружка. А эту рольку никак одолеть не может. У него, у подлеца, никакой робости не чувствуется перед баринком. Вот в чем дело! Он у барина должен слезно просить, а он говорит, словно пришел забирать у барина землю и дом... А ну, Петя, давай дальше.

3-й мужик. Сказывал, что квартиру бы... Режиссер. Опять?

3-й мужик. Никак этого слова не могу заучить. Повторю сначала... Сказывал, что фатеру бы пока что.

Режиссер. Наконец-то! Дай реплику на счет курицы.

3-й мужик. Отец! Смилосердуйся. Как жить таперича? Земля малая, не то что скотину, курицу, скажем, и ту выпустить некуда...

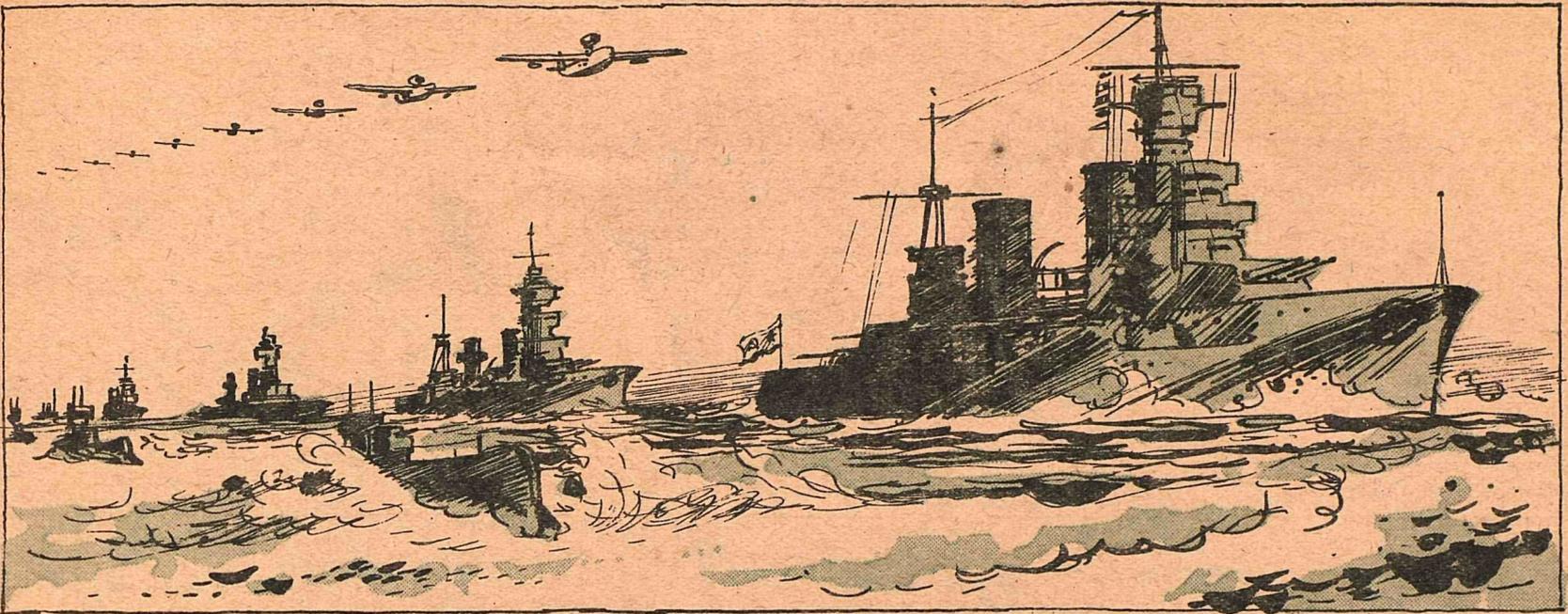
— Отставить! — закричал режиссер. — Не так. Повтори еще раз. Пойми ты, дьявол, что этой фразой один из наших наиболее талантливых классиков, Лев Толстой, показывает тяжелое положение безземельного крестьянина. Маленький чахоточный крестьянский надел, стиснутый со всех концов широкими помещичьими полями и лугами. Курицу мужику и то выпустить некуда. Понял? Угнетенность должна чувствоваться в твоих словах, Петя. Угнетенность! В руках, в бороде, в глазах, в голосе должна чувствоваться угнетенность. Что мне с тобой делать, ума не приложу! Ни робости, ни страха, ни угнетенности, как будто ты на тракторе сидишь и песню спевашь.

Вдруг 3-й мужик одним ловким движением сорвал с себя парик, бороду и усы. Мы увидели перед собой молодого голубоглазого парня с мужественным загорелым лицом. Но он был очень смешон, этот парень, в старом зипуне в заплатах и в лаптях.

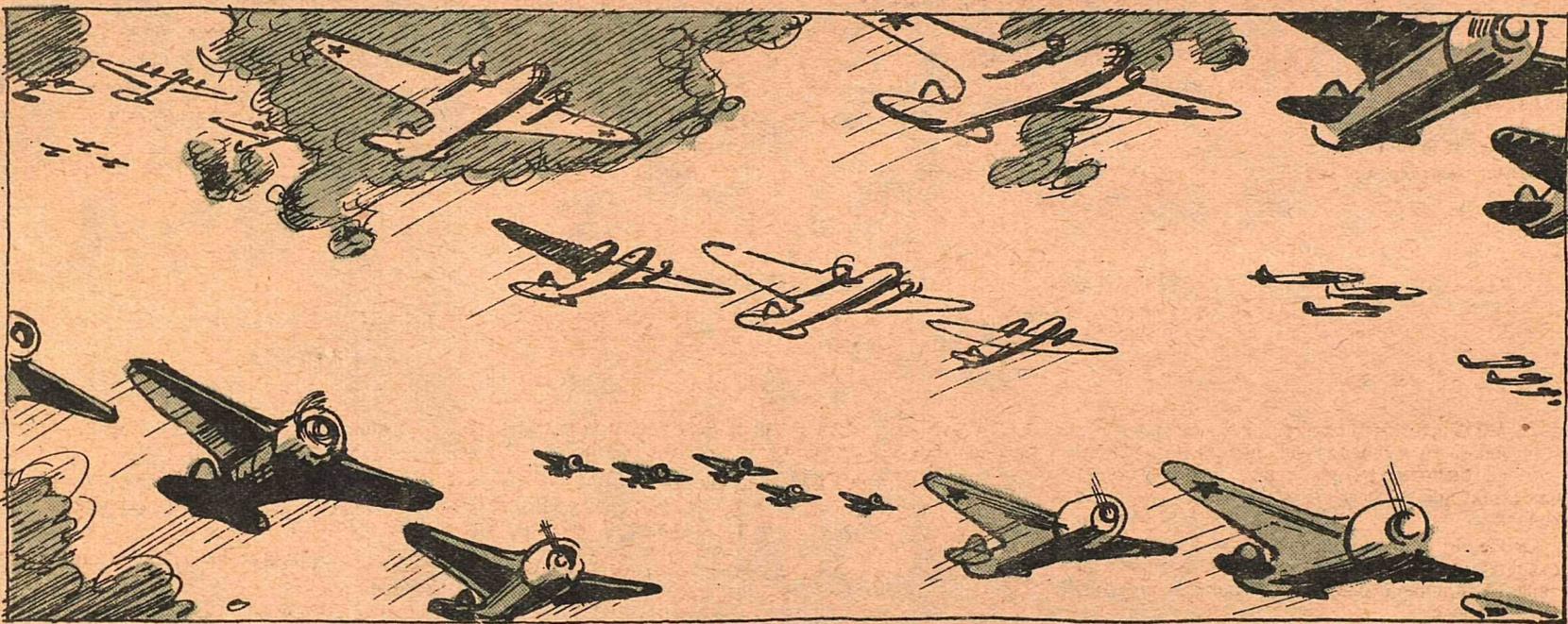
Он стер с себя грим и печально сказал режиссеру:

— Освободи меня от этой роли. Чувствую, что не одолею. Честное слово, я невиноват. Но что поделаешь? Никак не ощущаю я в себе ни робости, ни страха, ни угнетения. Очень тяжелая для меня роль...

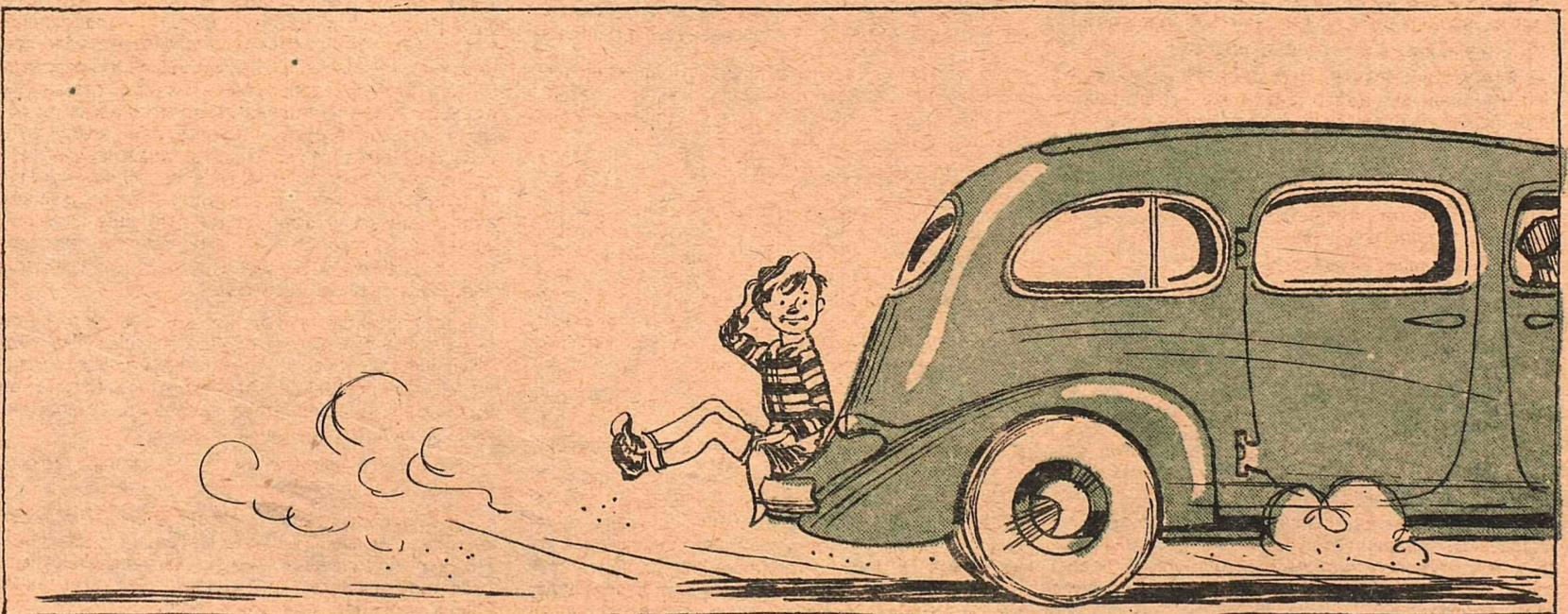
Г. РЫКЛИН

Морской флот окружен заботами шефа—комсомола.

Воздушный —чувствует внимание своего шефа — комсомола.

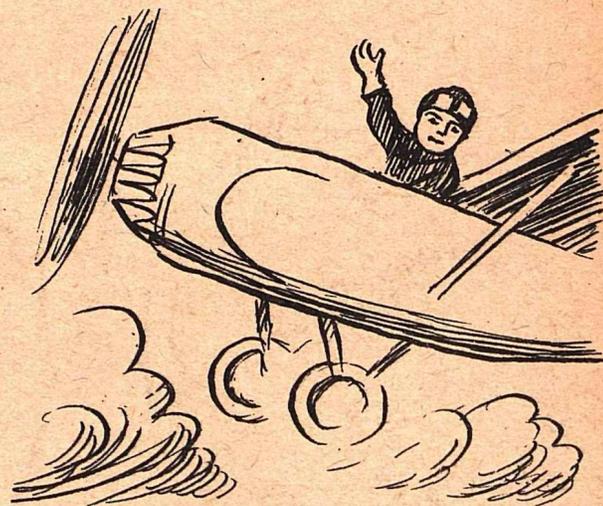
А вот на этого подшефного не хватает у шефа времени. Жаль! Из него может стать хороший моряк или прекрасный летчик!

Лет до ста расти

Рисунки Н. Радлова

Федоровы — Зинаида, Евгений, Татьяна.
Члены одной знатной фамилии — Комсомол.

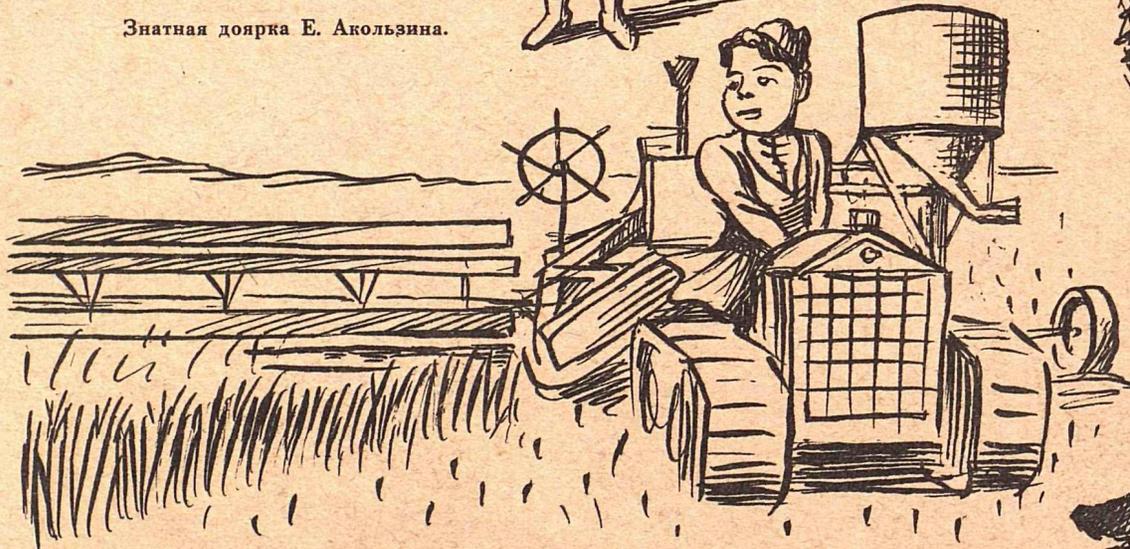
Герой Советского Союза летчик Серов.
Достаёт подарки матери-родине с любой
высоты.

Знатная доярка Е. Акользина.

Шахтер Скорбик. Такие же подарки из-
под земли вырывает.

Комбайнер, молодой казак Борин.
Казак к рекордам держит путь.
Казак не хочет отдохнуть...

Семен Бойченко — победитель в состязании.

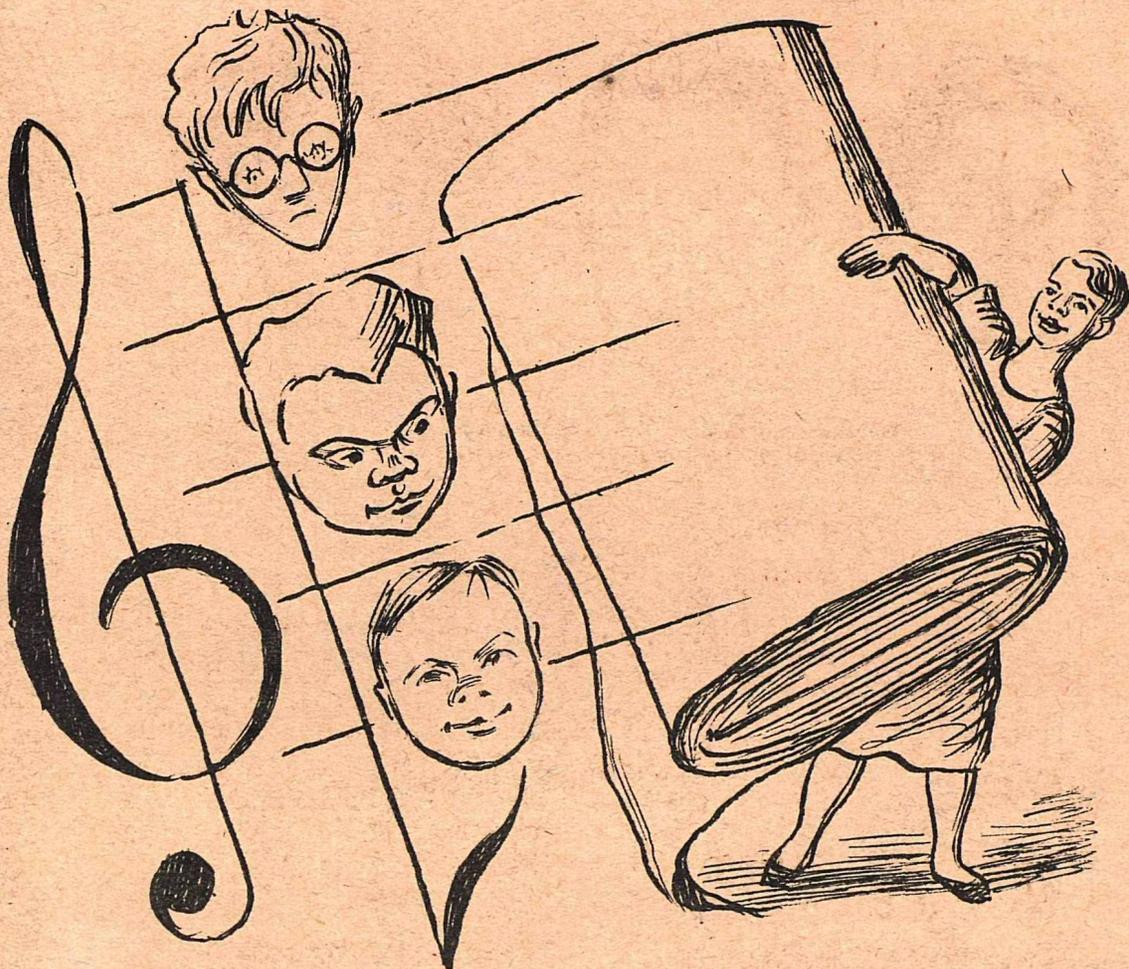

Пограничник Карацупа — имя, известное
всему Союзу и очень многим диверсантам.

нам без старости

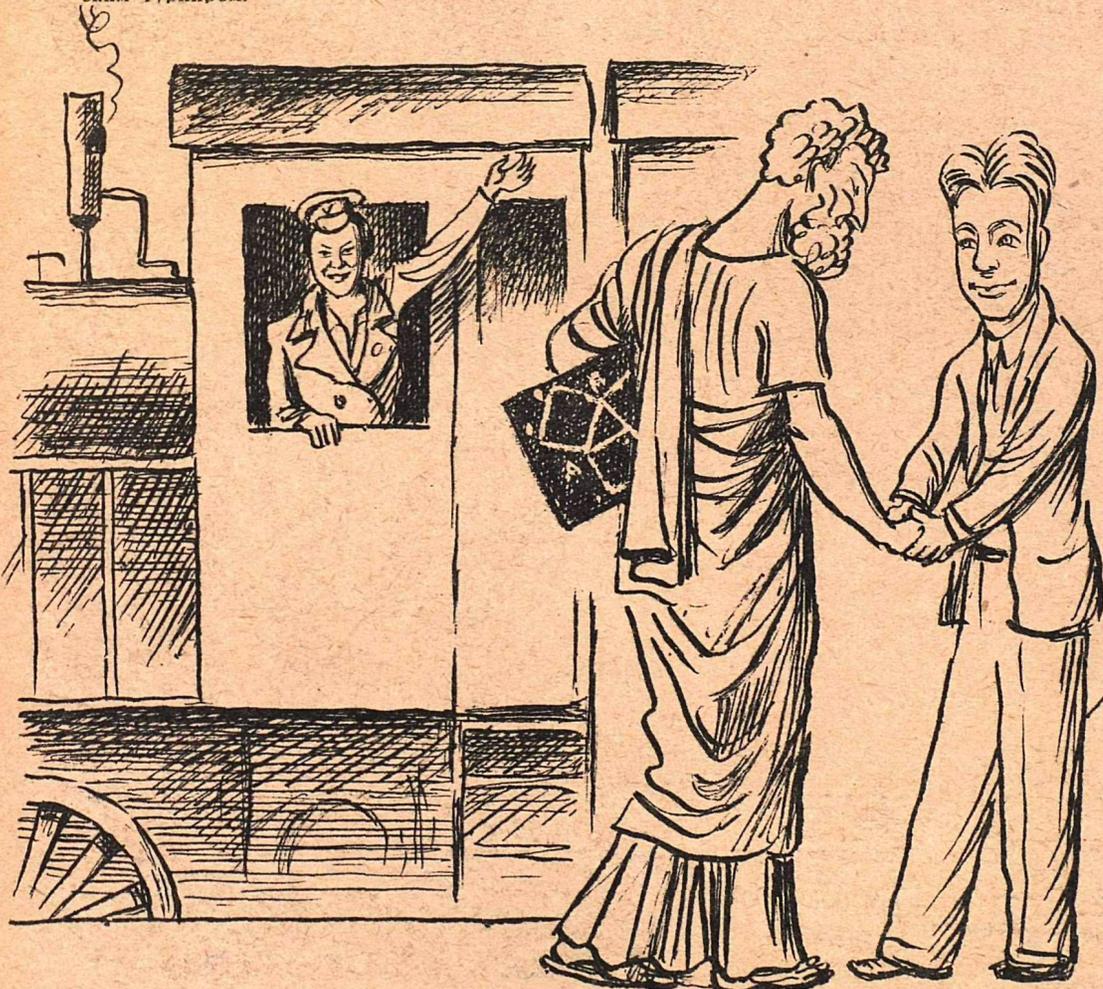

Гросмейстер Ботвинник. «Скреби-ей чистил он коня» перед амстердамским турниром.

Мощный аккорд (композиторы Шостакович, Хренников и Дзержинский)

Дуся Виноградова. «И на весь бы мир одна Наткала я полотна...»

Первая женщина-машинист Троицкая. Женщине-дорогу (железную)!

Пифагор (математику Соболеву): — Рад знакомству, дорогой коллега!

Художник-челюскинец Ф. Решетников рисует при всяких условиях.

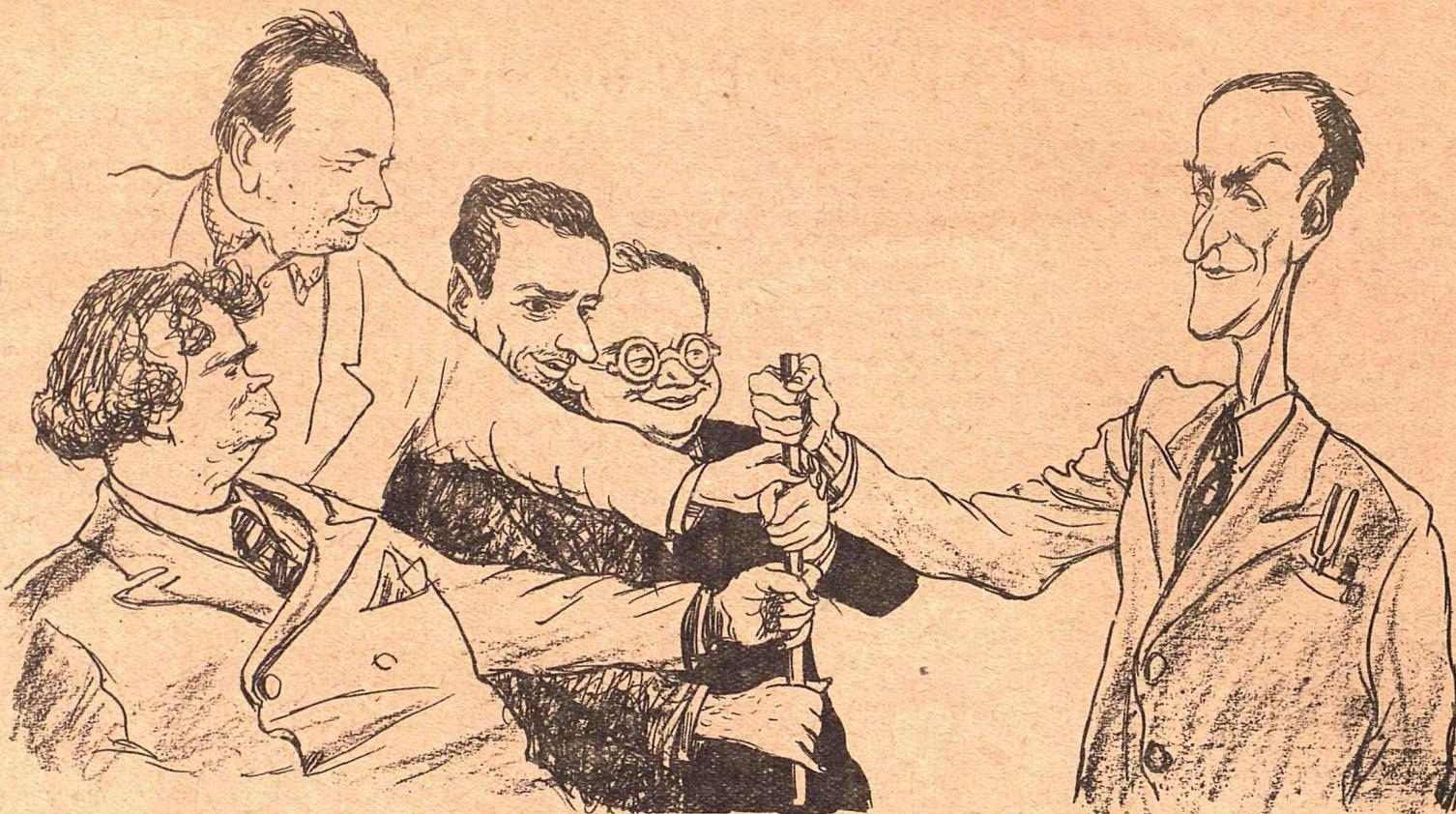

Рис. И. Семенова

ПАЛОЧКА-ПРЕМИАЛОЧКА

(Лауреаты первого всесоюзного конкурса дирижеров. Справа налево: Е. Мравинский, А. Мелик-Пашаев, Н. Рахлин, К. Иванов, М. Паверман.)

ВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ

ЛИТЕРАТОР сидел у себя за столом и грыз кончик деревянной ручки, когда вошел его закадычный приятель.

Муки творчества? — спросил приятель.

— Они, — кивнул головой литератор.

— Осмелюсь спросить: что творите?

— В том-то и дело, что ничего не творю.

А надо...

— Что надо?

— Вот в одном издании просили что-нибудь о молодежи. По случаю двадцатилетия комсомола.

— Ну и как?

— Плохо. Что-то не могу подобрать ничего подходящего...

— Бедный, бедный... И давно у тебя начались эти муки творчества?

— Второй день...

— Гм... Чем бы тебе помочь? Ну, хочешь я тебе расскажу про одного моего знакомого молодого человека? Может, опишешь его.

— Рассказывай... Хотя все уже давно известно...

— Ну, уж и все! Слушай. Значит, это мой сосед по квартире. Очень симпатичный молодой человек. Кончил десятилетку.

— На «отлично»?

— Да нет, представь себе, — средне. Были и «отлично», и «хорошо», и «посредственно» были.

Литератор вяло покивал головой. Выражение лица у него было такое, будто ему рассказывают историю, конец которой ему отлично известен.

— Понимаю, — сказал литератор, — молодой человек твой — нестойкий элемент. Так?

— Ты слушай. Кончил молодой человек школу — стал поступать в вуз.

— Конечно, провалился?

— Почему провалился? Выдержал.

— Ага!.. То есть как?.. Наверное, «горькое раскаяние охватило его, когда он вспоминал свою дурную учебу, и он дал себе слово всегда быть отличником...»

— Ну уж это я не знаю. Может, и было раскаяние. Но, вернее всего, нет. Да и в чем ему раскаиваться?

— Как в чем? Без раскаяния нарушается полнота образа.

— А ну тебя... Ты слушай, пошел этот молодой человек однажды на вечеринку.

— На вечеринку?.. Фью-фью!..

— Да, на вечеринку... Чего ты свистишь?.. Знаешь, как собираются молодые люди: танцы...

— Танцы?!

— Танцы.

— Может быть, фокстрот?

— Ну и фокстрот был...

— Ах, фокстрот? Ну тогда твой молодой человек — отрицательный тип.

— Постой!.. Значит, танцы были, закуска, выпивка...

— Выпивка? Закуска?.. Ну, знаешь, твой молодой человек — просто разложенец! Отрицательный тип!

— Сам ты разложенец! Молчи!

— Молчу.

— На этой вечеринке он познакомился с одной девушкой.

— Понимаю: фокстротистка, разложенка, — одним словом, фря.

— Я не буду рассказывать!

— Молчу!

— Девушка симпатичная, хорошая.

— Парашютистка?

— Нет.

— Летчица?

— Нет.

— Инженер?

— Нет.

— Пятисотница?

— Нет.

— Доярка?

— Нет. Думаешь, кроме парашютисток, летчиц, инженеров, доярок, остальные девушки нехорошие?

— Нет... почему...

— Ну вот. Девушка была, кажется, счетовод. Или продавщица в магазине. И мой молодой человек влюбился в эту девушку.

— Ага, понимаю! А она, наверное, в него влюбилась.

— Ничего подобного. Ей нравился другой молодой человек.

— Понимаю. Значит, тогда твой знакомый молодой человек великодушно уступил эту девушку. «Вы любите друг друга, — наверное,

сказал твой молодой человек, — и будьте счастливы, а я... я... никогда больше не встречу на вашем пути». И крупные слезы покатались по лицу твоего молодого человека.

— Ничего подобного. Так человек мучился, все ходил объясняться, уговаривал, чтобы она за него вышла замуж, а не за того. И вдруг, понимаешь ли ты, в доме, где жила эта девушка, произошел пожар...

— Понимаю: он вытащил ее из пожара.

— Да ничего подобного: огонь до ее квартиры даже не дошел.

— Понимаю. Тогда, значит, наоборот, твой молодой человек, наверное, испугался пожара и, бросив свою возлюбленную на произвол судьбы, убежал...

— И опять врешь. Никуда он не убежал. Помогал вещи выносить из огня. Даже ожоги получил. Наднях приходили его перевязывать...

— Ага, понимаю! Твой молодой человек, стиснув зубы, молчал во время перевязки, хотя адская боль...

— Ничего подобного: так орал, что в соседней квартире слышно было.

— Ну тогда я ничего не понимаю. Какой же это молодой человек: хороший или плохой? — сказал растерянно литератор.

Приятель постучал согнутым пальцем по лбу литератора и заметил:

— Вот то-то оно и есть, что ты ничего не понимаешь. И не только ты. Наделали себе готовых кукол и думаете, что это молодежь. Эх, вы!..

Литератор некоторое время смотрел оставившимся взглядом куда-то в окно, потом крикнул и обратился к приятелю:

— Знаешь что?.. Позволь, я опишу этого твоего молодого человека. Получится интересное новшество... А?

— Валяй, описывай. Только я боюсь, как бы из этого новшества не вышел еще один трафарет. Скажем: молодой человек № 8 бис — конфликты и противоречия...

Литератор любезно захихикал. Он уже макал перо в чернила и выравнивал стопку бумаги у себя на столе...

В. АРДОВ

Перестроилась

МАРФА Петровна, жена гражданина Егошкина, торговавшего на бульваре газированной водой с натуральными сиропами, была грузна, говорила басом, зимой и летом носила оранжевый в свирепую зеленую клетку джемпер и ненавидела свою соседку, докторшу Елену Кондратьевну, пылко, но безотчетно.

Ненавидела за то, что Елена Кондратьевна читает толстые книжки с непонятными названиями, за то, что в комнате ее всегда хорошо пахнет, наконец, за то, что докторша «много о себе воображает».

Марфа Петровна прозвала Елену Кондратьевну подхваченным где-то словечком: «гнилая интеллигенция».

— Это же форменная безобразия,— бушевала Марфа Петровна на кухне,— второй час гнилая интеллигенция некультурно сидит в ванной. А у меня белье киснет! А вчера, представьте, сижу на бульваре, пью воду с кизилловым, смотрю, идет наша гнилая интеллигенция под ручку с каким-то в шляпе. Наверное, вредитель. Губы намазала, портфелем машет, а сама: «Фыр-фыр, фыр-фыр». Сойшлась, поди, с этим вредителем! Надо бы заявить, куда следует!..

Сокровенной мечтой Марфы Петровны было овладеть комнатой докторши и поселить туда свою племянницу Нюрку. Ее пылкое воображение рисовало такую картину: Елена Кондратьевна попала в некий просак, докторшу судят, а свидетелем вызвали ее, Марфу Егошкину. Она стоит перед судьями в черном полшерстяном платье, смотрит на бледную Елену Кондратьевну и грозным, вроде как медным голосом дает свои показания.

— Эта врачиха — самый вредный человек, граждане судьи. Я первая разгадала эту змею: она с вредителем сойшлась!..

И судья поднимает руку и говорит:

— Спасибо, свидетельница Егошкина. Суд учтет ваши заслуги.

Потом суд выносит приговор: Елене Кондратьевне, а Марфе торжественно вручают ключи от комнаты докторши.

Однако в жизни все выходило не так, как мечталось Марфе Петровне. Маленькая докторша была дьявольски хитра и упорно не

попадала впросак. Напротив, на работе она получала премию за премией, в медицинской газете о ней писали как о прекрасном работнике. Это еще сильнее раздражало Марфу Петровну, тем более что у самого инвалида Егошкина дела шли куда хуже: заведены были такие драконовские порядки, при которых воровать натуральные сиропы стало почти невозможно, и кривая доходов инвалида резко пошла вниз.

Но однажды докторша все-таки попала впросак.

Получилось это так.

В домоуправление явился молодой человек, с мятым и сонным лицом, в бобриковой куртке, предъявил бумажку и сказал, что он намерен прочитать домашним хозяйкам и вообще женщинам, живущим в доме, лекцию про газовую войну. Управдом вызвал Марфу Петровну и поручил ей оповестить всех женщин о предстоящей лекции.

Марфа за час облетала всех, зашла и к докторше, сказала, брезгливо кривя губы:

— Лекция сегодня. Явка обязательная, между прочим.

— А я сегодня не могу,— ответила докторша,— мне тут надо кое-что подчитать.

— За неявку будем на черную доску заносить. Поимейте в виду!

То ли докторша испугалась черной доски, то ли ее заинтересовала лекция о газовой войне, только в красный уголок она пришла одной из первых.

Молодой человек в бобриковой куртке привычно отхлебнул кипяченой воды из грязного стакана, откашлялся и ровным, тусклым голосом начал:

— Газы, или боевые отравляющие вещества, действуют на наружные покровы, а также кидаются на внутренние органы человеческого организма.

При этих словах докторша — Марфа Петровна это отчетливо видела — нахально улыбнулась, встала и ушла.

«Так! — внутренне ликуя, подумала Марфа. — Попалась, птичка, стой! Я тебя как срывщицу доканаю. Завтра же сочиню про нее заметку в газету».

Три дня Марфа Егошкина ходила как бы

в горячем тумане, сочиняла заметку про Елену Кондратьевну и, наконец, сочинила.

«Срывщица» — называлась заметка.

«В нашем доме,— писала Марфа,— завелась срывщица, которая своим нахальным смехом срывает занятия женщин по газам. Женщины нашего дома просят привлечь срывщицу — гнилую интеллигентку Е. К. Голубеву — к суровому суду трибунала».

С тем же чувством внутреннего ликования, какое бывает у охотника, наступшего, наконец, долгожданную дичь, Марфа Петровна поднималась по широкой редакционной лестнице.

«Попалась, птичка, стой!» — мысленно повторяла она и уже прикидывала, как поставит нюркины комоды в комнате докторши.

А через час она возвращалась домой, расстроенная, мрачная, и, словно продолжая спор, бурчала под нос:

— Беречь надо! Подумаешь! А меня не надо беречь? Она меня своими одеколонами одними замучила! Сами, черти, гнилые интеллигенты, вот и заступаются за эту срывщицу проклятую, прости господи!

Вечером женщин снова вызвали в красный уголок на лекцию о газовой войне.

Марфа Петровна села в первый ряд, скрестив на могучей груди тяжелые красные руки.

И вдруг за столиком лектора появилась... маленькая, худенькая как девочка докторша Елена Кондратьевна.

— Товарищи,— звонко сказала она собравшимся женщинам,— прошлый раз вам здесь прочитали безграмотную лекцию. Я поговорила где нужно, и этого лектора сняли с работы. Сегодня я сама прочту вам лекцию о боевых газах. Советую вам записывать. Товарищи Егошкина, выньте-ка тетрадь!

Марфа Петровна вспыхнула, губы ее дрогнули, ей почему-то стало ужасно жалко себя. Но в то же мгновение она взяла себя в руки и отрезала:

— Сама знаю! Не учите! И пожалуйста, не думайте, что вы здесь одна интеллигенция! А тетрадь все же вынула.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

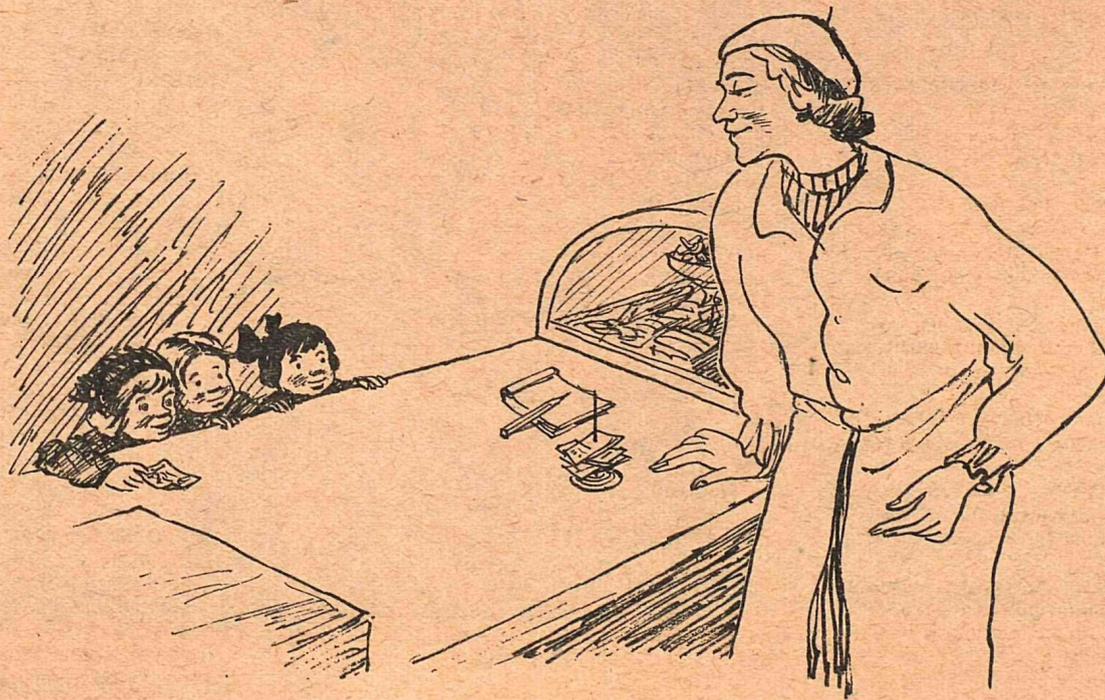

Рис. И. Семенова

ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ

- Нам шоколаду! Только обязательно полторы плитки!
- Деньжат не хватает?
- Нет, тетенька! Мы в тайгу летим, и это для Ляли, потому что она Марина.

О т Ч а й к и д о

На нашем рисунке изображены все гл

«М У

Действие продолжается вот уже сорок лет по

Буревестника

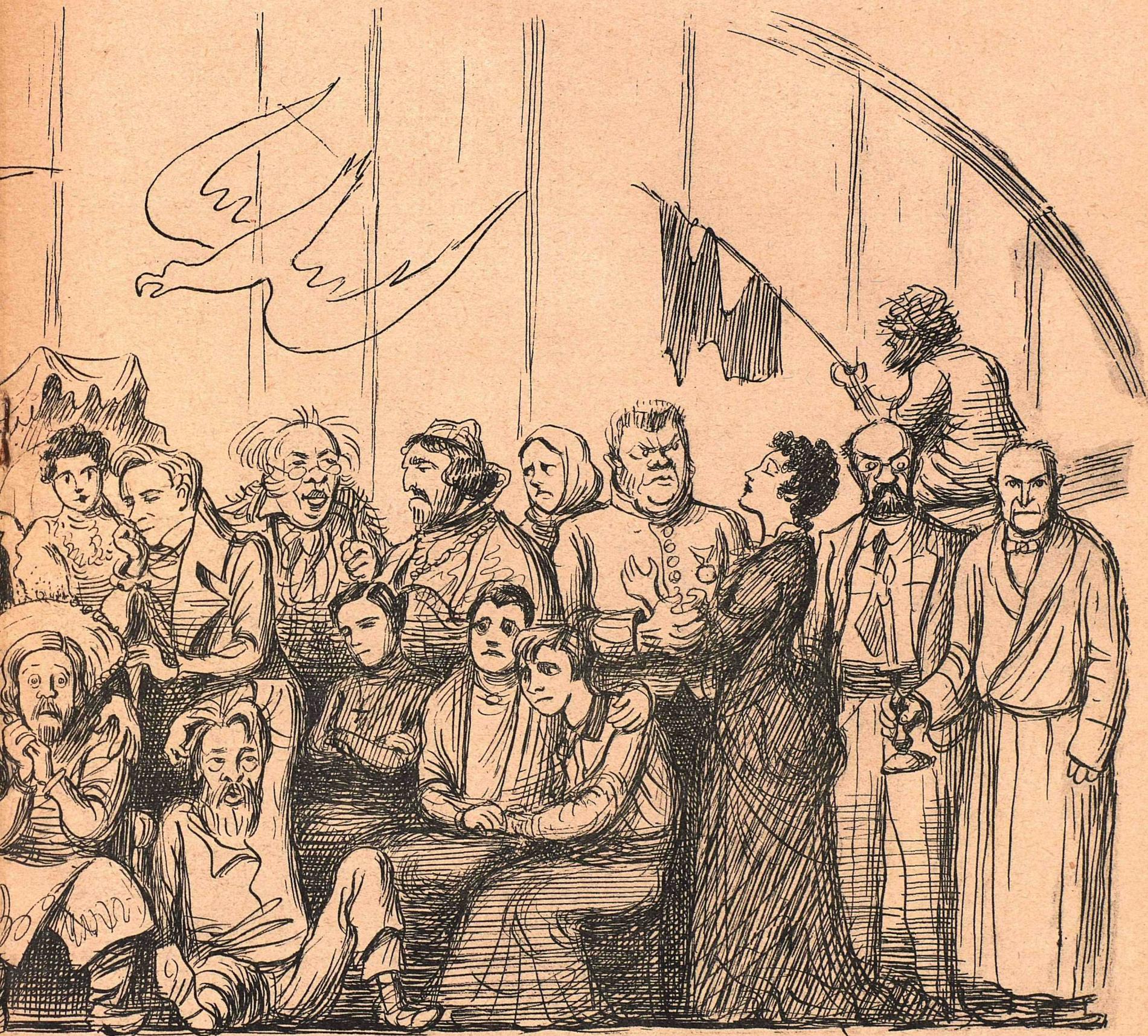

Рис. Н. Радлова

Главные действующие лица знаменитой пьесы:

«ХАТ»

д несмолкаемый гром аплодисментов зрительного зала.

Главные режиссеры: К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко.

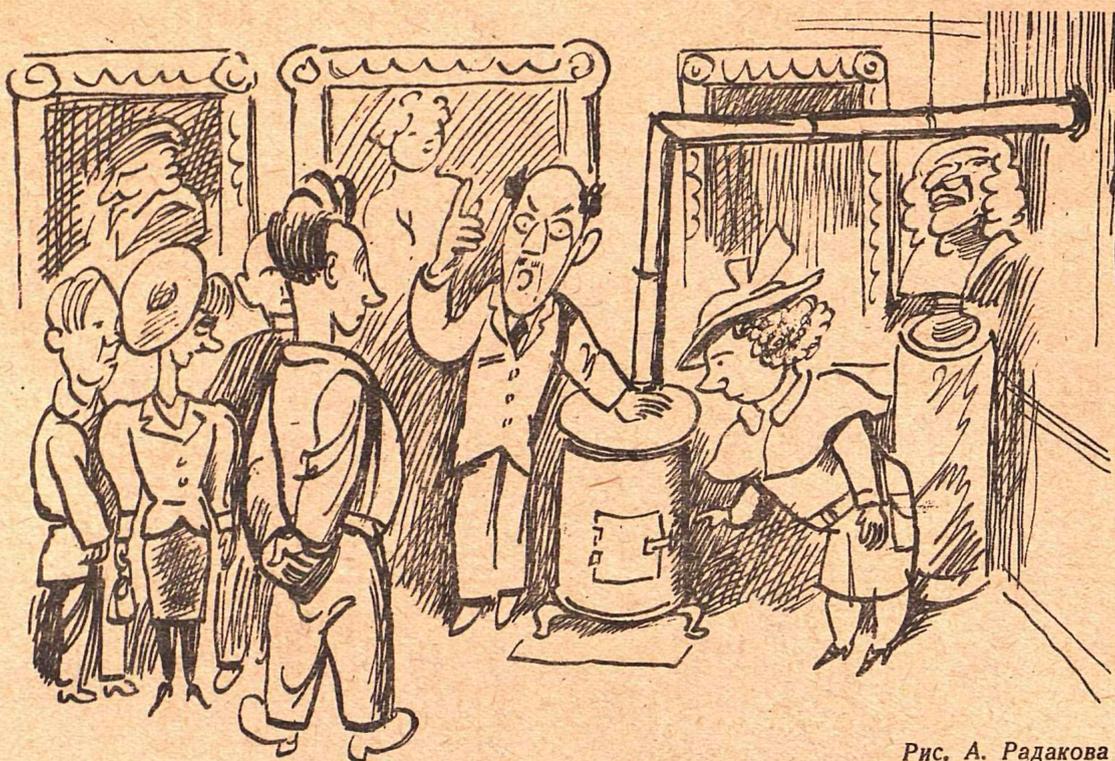

Рис. А. Радакова

— А теперь, товарищи, мы переходим к осмотру величайшей нашей ценности и редкости: перед вами настоящая печь для борьбы с сыростью.

Пропавшая красавица

(Сказка для детей комсомольского возраста*)

За горами, за долами,
Между личными делами,
Там, где тысячи анкет,
Помещался комитет.
И однажды на рассвете
В этом самом комитете
Зычный голос из дверей
Кликнул всех секретарей.
И послушные приказам,
В тот же час явились разом,
Сильным рвением горя,
Тридцать три секретаря—
Молодые, боевые,
Цеховые, групповые,
Молодцы, как на подбор,—
Все явились на сбор!
И тогда, мрачнее тучи,
Рокоча, как гром летучий,
Им навстречу вышел тот,
Кто взыскания дает.
Он сказал: «В анкетах снова
Мне попалась Иванова.
Я призвал вас на совет,
Дайте молодцу ответ:
Почему ее не знаю?
Где? Откуда? Кто такая?
Каковы ее дела?
Чтоб немедля здесь была!...»
Но стоят темнее ночи,
Опустивши долу очи,
Ничего не говоря,
Тридцать три секретаря.
Ничего не отвечают,
Где искать ее, не знают,
Потеряли девы след—
Ивановой нет как нет!
Каковы ее приметы?
Как смеется? Как одета?

Ищут, пыл удестеря,
Тридцать три секретаря.
В протоколах и анкетах
Никакого следу нету,
Все, пропавшую ища,
Ждут взысканий трепеща.
День прошел без Ивановой.
И тогда кликает снова
Зычный голос из дверей
Цеховых секретарей:
«Уготовлю вам взысканье!»..
В этот миг на заседание
И румяна и бела
Чудо-девушка вошла,
По прозвищу Петрова,
Царь-девица по кудрям.
«Разрешите молвить слово,—
Говорит секретарям,—
Стороною я узнала,
Будто девушка пропала.
Я признаюсь, не тая,
Иванова— это я.
И Петрова я к тому же,
Вот уж год прозвание мужа,
Не судить меня прошу,
С удовольствием ношу!»
От такого превращения
Сразу замерли в смущенье,
Ничего не говоря,
Тридцать три секретаря—
Цеховые, групповые,
Все ребята боевые,
С ними важный, как глухарь,
Самый главный секретарь.

●
За горами, за долами,
Между личными делами
Посреди чернильных рек
Потерялся человек.

ОЛИВЕР СВИСТ

Маг и чародей

В ТРЕТИЙ раз они столкнулись перед квартирой профессора-археолога Татарханова. На площадке лестницы между двумя противниками произошел разговор.

— Ничего не выйдет, — мрачно сказал Запаркин. — Напрасный труд. Поворачивайте обратно.

— Попробуем, — возразил Рубаненко. — Разрешите пройти.

— Глубины морей получили?

— Нет еще.

— И не пытайтесь. Я уже пробовал. Отказано.

— Будьте уверены, я получу глубины.

— Два дня, — скорбно признался Запаркин. — Два дня добиваюсь стратосферы — решительный отказ.

— Стратосфера? — изумился Рубаненко. — Со вчерашнего дня она у меня в кармане.

— Будьте человеком, — взмолился Запаркин. — Имейте сердце, Рубаненко. Скажите, как вам это всегда удается?

— Тайна веков, — огрызнулся Рубаненко и энергично нажал кнопку электрического звонка.

Погруженный в горестные думы, Запаркин медленно спускался вниз. Отчаянная жизнь. Как возвращаться в Новогорск?

— Конец, — произнес про себя несчастный. — Стратосфера у него, он еще получит глубины морей. Еще один такой удар, и меня выгонят из дома.

Между тем тот, о ком вспоминали на лестнице, уверенным шагом входил в кабинет знаменитого археолога. Ученый обедал, и Рубаненко пришлось обождать.

Пока профессор ест компот из сушеных слив, мы успеем рассказать короткую историю двух яростных противников. В столицу они приехали из большого процветающего города Новогорска. В Новогорске Запаркин заведывал клубом бумажников. Рубаненко руководил клубом деревообделочников. Между двумя домами-клубами второй сезон не прекращалась бешеная конкуренция. Хотя деревообделочники располагали гораздо меньшими средствами, нежели бумажники, в клубе Рубаненко жизнь была ключом. Одно мероприятие интереснее другого. Захватывающие лекции и доклады. Знаменитости Москвы и Ленинграда выступали у деревообделочников. А клуб бумажников хирел, пустел и замирал. Работа проваливалась, и Запаркин ясно предчувствовал, что его скоро выгонят. Но ведь он старался изо всех сил. Он лично ездил в Москву, просил, умолял, сулил огромные гонорары и всюду получал отказ. Знаменитости были заняты по горло, деньги их не прельщали и никто не соглашался на поездку. Запаркин возвращался ни с чем. Иное дело Рубаненко. Каждый раз он привозил из Москвы первоклассных лекторов, и слава его клуба гремела по всей области.

— Он маг и чародей, — с суеверным ужасом говорил Запаркин про Рубаненко, — он Мефистофель!

Тем временем Мефистофель терпеливо ожидал археолога. Ученый кончил обедать и вошел в кабинет.

— Чем могу служить?

Учтиво представившись, Рубаненко с первых слов поведал профессору, что он с детских лет увлечен археологией и затем лишь доложил о культурных запросах деревообделочников.

— Увы, — ответил ученый, — к сожалению, не могу. Я польщен, но меня разрывают на части. Только что меня приглашали из вашего же города. И я вынужден был отказаться.

— Простите за беспокойство, — поднялся Рубаненко, — я представлял, как вы заняты, но надеялся. Одна ночь езды...

— Увы, никак не могу.

— Всех благ. Желаю успехов, — попрощался Рубаненко и направился к выходу.

— Одну минуту, профессор, — остановившись на пороге вспомнил он. — Едва не забыл. Скажите, что бы это могло значить. Несколько дней назад у нас на окраине города рабочие, прокладывая новый кабель, наткнулись на старинный курган. Очевидно, какое-то древнее

* Случай, который лег в основу нашей сказки, произошел на Московском государственном часовом заводе.

погребение. Черепа, кости, монеты, посуда, каменные доски с письменами. Я вам постараюсь прислать пару ваз, если только мальчишки до моего приезда не успеют растащить...

— Как так растащить? Что за варварство! — ужаснулся профессор. — Умоляю, садитесь. Прошу вас, расскажите все, что вы знаете.

Рубаненко с готовностью уселся в кресло и увлеченно стал рассказывать о кургане.

Спустя полчаса, сопровождаемый ученым, он вышел из кабинета. Татарханов на ближайшей же пятidineвке обещал приехать в Новогорск и прочесть две лекции.

Подхватив по дороге такси, ровно через десять минут Рубаненко приехал к дому, где жил начальник водолазных отрядов Фома Петрович Отвагин. Начальник водолазов наотрез отказался выступить с лекцией, и Рубаненко, не задерживаясь, стал прощаться. На одно лишь мгновение он задержался в дверях и попросил у подводника совета, как поступить с обнаруженной в Новогорске находкой.

— Недавно, — сообщил Рубаненко, — мальчишки, купаясь в реке, обнаружили старинное судно. Повидимому, оно лежит на дне с петровских времен.

— Откуда на вашей реке судно? Да там воды курице по пуп.

— Не говорите, есть довольно глубокие места. Прошли столетия, река пересохла. Фрегат или бот, не знаю, только мальчишки говорят рядом валяются ядра и пушки.

Отвагин не отпустил Рубаненко до тех пор, пока не узнал всех подробностей. Он согласился в ближайшие дни приехать в Новогорск и подписал контракт на лекцию.

От начальника водолазов Рубаненко поехал к известному полярнику Поторосову. Несколько лет подряд Поторосов зимовал на дальних островах Арктики и теперь, вернувшись с материалами в Москву, собирался в скором времени ехать отдыхать в Крым. Поторосов отказался выступить.

— Надо же мне когда-нибудь отдохнуть!

— Совершенно верно, — согласился Рубаненко. — Отдых — залог плодотворной работы. Вот мы, жители Новогорска, не знаем отдыха. Каждый выходной день мы целым городом выезжаем на олаву, на охоту.

— Какая у вас охота? — оживился Поторосов. — Какой зверь?

— Кабаны, — смиренно произнес Рубаненко. — Сотни кабанов.

— Не может быть, — поразился полярник. — Откуда у вас кабаны. Я хотя мало знаю средневропейскую полосу, но ведь, насколько мне известно, на тысячу километров от вас нет ни одного кабана. В первый раз слышу!

— Мученье... Обнаглевшие кабаны не дают жить, — тяжело вздохнул Рубаненко. — И откуда только они взялись. Одна ночь езды от Москвы и...

Полярник буквально вцепился в Рубаненко. Он, не задумываясь, подписал контракт и до глубокой ночи показывал ему свои ружья.

Счастливым и радостным Рубаненко уехал в Новогорск.

* * *

На перекрестке улицы раздувалась как парус полотняная афиша клуба деревообделочников:

СОКРОВИЩА НЕДР

Лекция академика Алтаева.

У афиши остановился мрачный, осунувшийся Запаркин. Два дня назад его уволили за провал работы в Доме культуры бумажников. Из-за угла показался Рубаненко. Он хотел пройти мимо, но злосчастный Запаркин остановил его.

— Маг и чародей! — воскликнул Запаркин. Теперь ты мне можешь сказать, как тебе удастся... Мировой геолог!

— Мировой геолог приедет, но меня выгнали, — глухо отозвался Рубаненко. — Я говорил ему, что в Новогорске обнаружена нефть. Он прислал разведочный отряд и...

— Ничего не понимаю, — поразился Запаркин. — За что?

Тоскливо вздохнув, Рубаненко недоуменно прошептал «За что?», и два бывших противника, как стародавние друзья, медленно побрели по осенним улицам.

МИХ. РОЗЕНФЕЛЬД

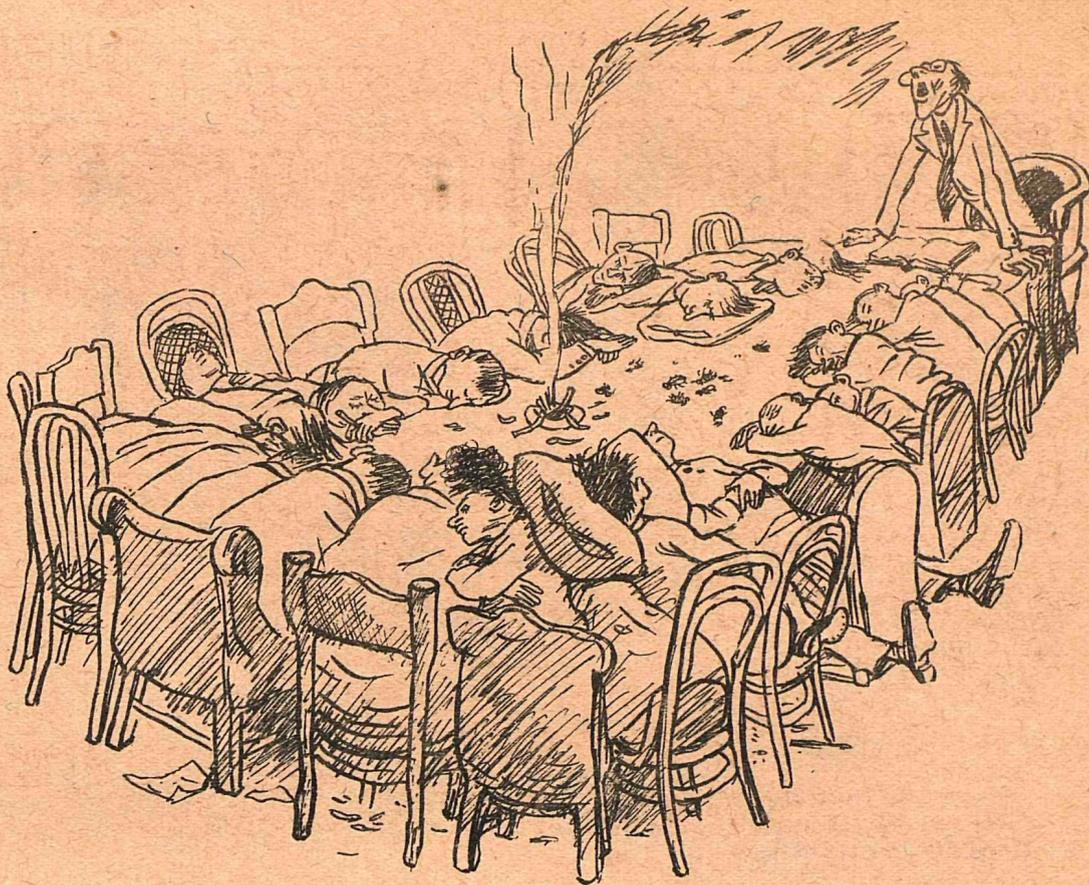

Рис. И. Семенова

ИЗ ЖИЗНИ ОДНОГО КРУЖКА

ГОРЕ-ДОКЛАДЧИК: — Превосходно! Так и запишем: сто-процентный охват.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

НЕ СЕЮТ И НЕ ЖНУТ

Приводим полностью текст классической в своем роде бумажки, полученной Крапивенским сельсоветом, Ленинско-Кузнецкого района, Ново-Сибирской области, от Ленинской конторы Главптицепрома.

КРАПИВЕНСКОМУ С/СОВЕТУ

Настоящим Ленинская Контора «Главптицепром» просит выслать справку о социальном положении на вашего гр. Ушакова Дмитрия Андреевича, т. к. он у нас является растратчиком. Справка нужна необходимо для списания с его растраты, как безнадельной. С ответом просим не задерживать.

Ст. Бух. ЕФАНОВ.

Признаемся, нас поразило великодушное отношение конторы Птицепрома к растратчикам казенных денег. Ведь неведомый Дмитрий Андреевич Ушаков растратил не больше не меньше, как 8 тысяч рублей.

Птицы — народ, как известно, легкомысленный. Им на все наплевать. Они не сеют, не жнут и в житницы не собирают. Может быть, это они работают в конторе Главптицепрома?

НОВОЕ В ТЕХНИКЕ ПЛАГИАТА

Как украсть неопубликованное стихотворение? Такой вопрос давно уже волнует больших и малых плагиаторов, и мы решаемся, наконец, затронуть эту животрепещущую тему. Переходим прямо к практическим советам. Итак:

- 1) дома ставится небольшой радиорепродуктор;
- 2) во время передачи «Разучивание новых песен» вы немедленно откликаетесь на призыв диктора и берете карандаш и бумагу;
- 3) записав текст и тщательно расположив запяты, вы ставите внизу свою подпись;
- 4) стихи готовы. Ликуя, вы несете их доверчивому редактору, который немедленно печатает ваш опус.

Очень просто! Видимо, так и поступила М. Петрова, напечатавшая 23 июля в газете завода имени Чкалова «Ударник» стихотворение «Наша молодость идет», то самое, которое на дру-

гой день было опубликовано в «Известиях» за подписью В. Лебедева-Кумача.

Вот что значит радиотехника!

А что касается опубликованных уже вещей, то тут совсем просто:

1) вы берете какую-нибудь книжку (скажем, «Комсомолец на Амуре», издание «Молодой гвардии». 1936).

2) разыскиваете подходящий рассказ (ну, скажем, новеллу М. Лейпунского «Композитор»).

3) заимствуете сюжет и большую часть текста и ставите подпись (например В. Раскольников).

4) как и в первом случае, несете доверчивому редактору, и он печатает рассказ в своей газете. (Допустим, в «Керченском рабочем» от 12 июля.)

Вот и все правила. Лучше ими не пользоваться.

СЛОВОТВОРЧЕСТВО

Все это написано очень серьезно:

СТАЛИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕМ УПРАВЛЯЮЩИМ ОТДЕЛЕНИЙ «СОЮЗМАШ-СНАБСЫТА»

Вторично прошу выслать сведения о горимости В/отделений за II кв. 1938 г. Если горимости В/отделений не было, также сообщите спешной почтой, что горимости не было.

Сведения о горимости необходимо давать к концу каждого квартала, не позднее 20-го числа.

Ст. Инспектор П.В.О. и охраны ПУДОВ

Ну, вот. Появилось в русском языке новое слово — «горимость». Или, может быть, это — старое слово, и только мы его раньше не знали? Или, постойте! Может быть, такого слова нет? Может быть, это слово старший инспектор Пудов вставил в свою знаменитую бумагу по своей, как бы это сказать, «необразимости»... Нет: «неграмотности»... Или так: вследствие своей «малокультурности»?..

Нет, нам словотворчество явно не удастся. Напишем просто: «Вследствие своей неграмотности искажает Пудов русский язык».

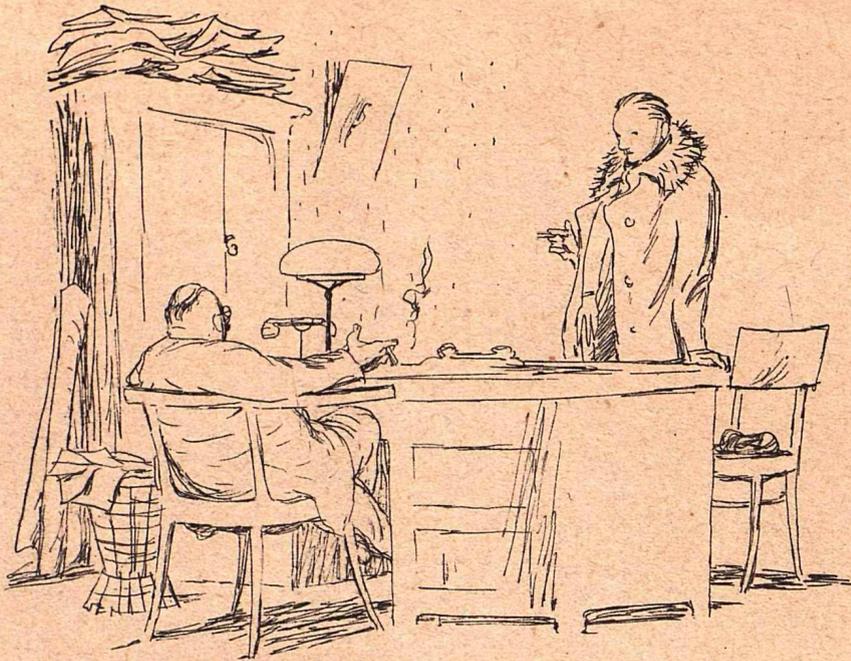

Рис. Л. Сойфертиса

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

— На предприятии зарегистрировано несколько случаев хулиганства среди молодежи. А вас это даже не беспокоит!
 — Нисколько. Я уже выяснил: среди них ни одного члена ВЛКСМ.

СОЛЬ

ДИРЕКТОРУ КОНСЕРВНОЙ ФАБРИКИ

...Уведомляем, что впредь будем отгружать соль в кульках соответственно прилагаемому образцу.

О вашем согласии сообщите...

Сольбаза

Директор попробовал соль и сплюнул.
 — Тыфу! — заключил он. — Настоящая соль! Он выбрал из карандашей наиболее красивый и жирно надписал на уголке извещения: «Ответить согласием».
 Он перешел к чтению других бумаг, но продолжал плевать и коситься на кулек соли.
 — Что-то она уж очень соленая! — пробормотал директор и снова попробовал соль. — Да, да, очень!.. Как бы не влопаться!
 Он перечеркнул прежнюю резолюцию и размашисто указал:

«Соль — на рассмотрение технорука».

Технический руководитель, важный, но неуравновешенный тип, обиделся.

— Трактор я, что ли? — срывающимся голосом закричал он на старичка-курьера, принесшего соль. — Чего вы все ездите на мне?.. Да еще с глупой, пустяковой солью? Хоть бы ты подумал: нужно ли высшее образование для соли? Каждая баба ее узнает.

Посыльный виновато заморгал глазами.

— Надо полагать, — ответил он, — соль обыкновенная.

Технорук раскрыл кулек.

— А ты пробовал? — спросил он посыльного и отсыпал ему горсть соли. — Соленая?

Старичок пожевал соль и, закрыв глаза, обрадовался.

— В самый раз! — определил он. — Жаловаться не приходится. Откушайте: хорошая соль! Инженер нагнулся к кульку и опустил в него язык.

— Соленая! — согласился он, но, облизнувшись, пожал плечами. — А, может быть, и не вполне соленая... Чорт ее разберет!.. Отправим ее начальнику засоленного цеха. Сообщи ему: ответственным за прием этой соли назначаю его, засоленного. Полностью.

Посыльный нашел указанного начальника в столовой.

— Вот-с, — сказал ему старик, снимая с головы кулек, — новая соль... Прямо скажу: сомневается в ней технорук. Пусть, приказал

он, за эту соль отвечает засоленный. Полностью.

Начальник цеха резко отодвинул недоодевшую котлету и вскочил. Его лицо стало призрачно бледным. Он схватил за рукав подавальщицы.

— Будьте свидетельницей! — завизжал засоленный. — Или вы ничего не слышали?.. Зато я, я прекрасно все понимаю... Технорук подстраивает мне какую-то гадость с солью. За вчерашнюю мою критику... Это за нее он обещал насолить мне так, что чертей затощит... Да, да, так и обещал!.. Но пусть технорук знает, что ему не удастся насыпать мне на хвост соли...

— Слушаюсь, — сказал старичок и стал обедать. Он извлек из кулька щепотку соли и посыпал ею суп.

В это время засоленный судорожно черкал:

Директору.

Копия Парторгу

Копия Предфабкома

Копия Предбюро ИТС

Копия Легкой Кавалерии.

Категорически снимаю с себя какую-либо ответственность за пересланную техноруком сомнительную соль. В дальнейшем прошу меня оградить от подобных, ничем не заслуженных нападок, вылазок и пр. и пр. В противном случае пойду выше.

Вспокоились фабричные руководители.

Вопрос о соли был вынесен на экстренное совещание.

Заседавшие начали с проб. Ели сухую соль, пили посоленную ею воду, качали головами и недоумевали: соль как соль!

Смущало отсутствие начальника засоленного цеха. По слухам, он заболел какой-то нервной болезнью.

— Неспроста же засоленный взбунтовался против соли, — вслух размышлял парторг. — Значит, есть в ней изюминка!..

— Мне не нравятся слова: «Пойду выше», — сознался предфабкома. — Засоленный из таких, что может далеко пойти.

— Правильно делает, — пробурчал председатель ИТС. — Как ударят всех по рукам, тогда посмотрим...

Присутствующие не точно поняли угрозу, но руки спрятали по карманам.

— Что же с солью-то делать, голубчики? —

растерянно спросил директор. — Пуд ее съели, а решить не можем. Разве проголосуем?

— Не желаю связываться в это грязное дело! — твердо заявил парторг и ударил кулаком по столу. — Не желаю! Соль — это дело чисто химическое. Пусть лаборатория решает.

— Тогда и я умываю руки, — прошептал предфабкома.

— Хорошо! — подавленно согласился директор. — Больше не ешьте соли. Оставим ее химикам.

В лаборатории соль подверглась всесторонним испытаниям. Соль растворяли, парили, жарили. Заведующий лабораторией пытался даже поджечь соль. Он бросил в нее зажженную спичку и с криком «Берегись!» выскочил в другую комнату.

Перепугавшиеся лаборанты затаили дыхание. Соль не взорвалась.

— Ух, ну и задали нам работу! — с отчаянием проговорил заведующий лабораторией. — В чем еще можно заподозрить эту соль?

— Абсолютно ни в чем! — решили химики. — Обыкновенная, стандартная поваренная соль.

— А все-таки лучше от нее отказаться, — решил завлабораторией. — Спокойнее спать буду.

— Правильно! — подтвердил директор и приказал сообщить об этом поставщику. — Сошлитесь на несоленость или, наоборот, на пересоленность!.. Требуйте прежней соли!

Через несколько дней поставщик снова придал письмо.

ДИРЕКТОРУ КОНСЕРВНОЙ ФАБРИКИ

...Уведомляем, что нас удивило ваше странное требование... Соль никаких изменений не претерпевала. Ее свойства таковы, что пересоленной или недосоленной соль быть не может. Этой солью вы пользовались всегда, и нареканий на нее мы не имели. В предыдущем письме мы извещали лишь об изменении кулька. Вместо 40-килограммовой тары, мы перешли на 20-килограммовую.

Еще раз просим ответить по существу дела.

Сольбаза.

БОРИС АГАРОВ

Рис. Л. Соффергиса

ГОЛОС ЧИТАТЕЛЯ

— Какой спорт мне поможет от бессонницы?
— Лучше всего „Красный спорт“.

Вместо рецензии

Роман не без вранья

Наши писатели непрочь в исторических романах, повестях, рассказах лишний раз щегольнуть глубоким знанием исторических мелочей и деталей.

Иногда эти мелочи, очень колоритные, выразительные, украшают исторический роман. А иногда...

Давайте перелистаем двухтомный роман Юрия Слезкина «Отречение»¹, посвященный первому этапу мировой войны 1914 года.

Путаницы в романе так много, что о ней (о путанице) можно написать тоже роман. Мы выбрали лишь несколько занятных моментов, чтобы показать их не только читателю, но и писателю. И не только этому писателю.

О ТРОЙСТВЕННОМ СОЮЗЕ

Стыдно писателю Юрию Слезкину не знать такой простой вещи, что Германия, Австро-Венгрия и Италия образовали Тройственный союз, а Россия, Англия и Франция — Тройственное согласие (Антанту).

Юрий Слезкин пишет: «перед Тройственным Союзом вставала неотложная задача — сдать железным кольцом Германию и Австрию...» (т. II, стр. 152).

Прежде чем писать, автору следовало бы заглянуть в какой-нибудь словарь.

О ФОРМАХ ОДЕЖДЫ И О МАДАМ СУХОМЛИНОВОЙ

«Сухомлинов звякал под столом шпорами, поводил круглыми плечами, затынутыми в защитную венгерку, блестел глазами» (т. I, стр. 317).

Блестел ли он глазами, мы не знаем, но что он не мог носить защитной венгерки, — это факт. Венгерка — форма одежды гусар — бывала разных цветов и носилась только в мирное время. В военное время венгерка в рус-

ской армии не носилась вовсе, а носилась в германской.

Во время приема Вильгельм заложил «большой палец за борт походного голубовато-серого сюртука» (т. II, стр. 145).

Не было такого сюртука. И вообще никакая армия в 1914—18 гг. походного сюртука не знала.

О НАЗВАНИИ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ

«С опушки, не умолкая, сыпал в живую кашу пулемет. Немецкая кавалерия — «наверно 36 уланского» мимовольно заметил Вася» (т. I, стр. 184).

Мы, в свою очередь, также «мимовольно» отметим, что это был, наверно, не 36-й уланский полк. И даже не 26-й. По той простой причине, что в германской армии было всего 25 уланских полков: 3 гвардейских, 20 армейских и 2 баварских.

И совершенно непонятно, почему при встрече с Васей офицер штаба Самсонова спрашивает, не из 13-й ли он дивизии (т. I, стр. 188).

13-я дивизия не входила в состав 1-й и 2-й армий, действовавших в Восточной Пруссии. Она была на Галицийском фронте.

О БАКЕНБАРДАХ МИНИСТРОВ

В вопросе о баках Юрий Слезкин совершенно самостоятелен и нередкость изобретателен. О морском министре Григоровиче автор красочно и любовно пишет с максимальными подробностями.

Вот, «бодрясь и распушив по ветру седые баки взбежал на борт яхты морской министр генерал адъютант Григорович» (т. I, стр. 64).

Но откуда у Григоровича баки? Это у писателя Григоровича были баки! Но ведь он не был морским министром и жил лет за сорок до мировой войны. Ведь нетрудно было взять любой журнал дореволюционных времен, для того, чтобы убедиться, что у Григоровича никаких баков не было.

Любовь к бакам у Юрия Слезкина поистине невероятна. Ровно через 14 страниц он описывает царского премьера Штюрмера (т. I, стр. 78):

«На щеках его, опущенных седыми холенами баками, играл румянец».

Не были, т. Слезкин, щеки Штюрмера опущены седыми баками. И никакими не были опущены баками. И ничем не были опущены. Щеки были бритые, а длинная борода лопатой...

РАЗНОЕ

а) На стр. 144 т. II Слезкин рисует прием Вильгельмом II датского судовладельца Андерсена в главной квартире германской армии в 1915 году. После приема «в тот же вечер перед отъездом Андерсена из Берлина рейхсканцлер передал ему записку императора» (стр. 149, т. II).

Неверно, Юрий Слезкин! Не мог Андерсен быть в главной квартире и в тот же вечер уехать из Берлина, ибо не было там главной квартиры. Главная квартира германской армии 17 августа 1914 г. выехала из Берлина и перешла сперва в Кобленц, а потом в Спа (Бельгия).

б) Никита, солдат пехотного Звенигородского полка, «ненавидел вахмистра, ненавидел прапорщика Нефедова» (т. I, стр. 202). Это правильно, что солдат ненавидел офицера. Но он не мог ненавидеть вахмистра, так как был пехотинец, в пехоте не было вахмистров.

в) И, наконец, говоря о черносотенце «философе» Розанове, Слезкин и тут не дал себе труда заглянуть хотя бы в старую телефонную книжку или в «Весь Петроград» за 1914 г. Инициалы Розанова — В. В., а не И., как полагает Слезкин (т. II, стр. 83).

Таков краткий, далеко не полный перечень лягусов в одном романе!

Профессор Я. ЛЮБАШЕВСКИЙ.
Ленинград.

¹ Юрий Слезкин, «Отречение», роман, т. I (1914 г.), т. II (1915 г.). Москва, Гослитиздат, 1935—1937 г.

Рис. Л. Соффергиса

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

— Постыдился бы! Три года английскому учишься, а вчера с англичанином слова сказать не сумел!
— Скажешь тут, как же. Когда он, балда, ни в зуб по-русски.

Смена вех

ВТОРОКЛАССНИК Борис Бровкин был весьма невысокого мнения о женихе своей сестры Андрее Овечко. На это у юного Бровкина имелись достаточно веские основания: уж больно пресмыкался долговязый Овечко перед Лидой; просто противно смотреть, как взрослый мужчина унижается и заискивает перед какой-то девчонкой, боящейся тараканов, мышей и обыкновенных дохлых лягушек.

Сам же Андрей Овечко не был ни летчиком, ни артиллеристом, ни боцманом с китобойного судна, ни даже запасным игроком городской футбольной команды «Смерч». Жених Лиды был всего-навсего скорняком и работал в меховой мастерской, вывеску которой украшала голова тигра с испуганными глазами. Борька простил бы жениху многое, если бы тот и в самом деле занимался обработкой тигровых шкур и принимал участие в экспедициях за полосатыми хищниками. Но — увы! — тигровая голова была лишь горделивой торговой маркой! Овечко же всегда рассказывал о подборке воротников, о жакетах из крашеной кошки и о каком-то жеребковом товаре. Однажды за чаем он даже признался, что никогда не держал в руках винчестера.

Никто не придал этому заявлению особого значения. Но Бориса Бровкина оно потрясло до глубины души. С тех пор он смотрел на Овечко с холодным презрением. А когда Борьке сказали, что дядя Андрей скоро станет лидиным мужем, он дал себе клятву помешать чудовищному браку.

Серия мелких пакостей, предпринятых молодым Бровкиным, не могла парализовать ухаживаний скорняка за Лидой; Овечко спокойно отдирал прибитые к полу калоши и безропотно выбрасывал из карманов пальто мокриц, которых Борька добывал под ванной.

Нет, мокрицами скорняка не возьмешь! Борька понял это и решил вступить в дипломатические переговоры с Лидой.

— Ты очень любишь своего Овечко? — спросил Бровкин сестру, которая выкраивала из детских клеенок элегантный белый плащ.

— Не мешай мне работать, — сказала, покраснев, Лида.

— Лидок! — продолжал Борис, и в его глазах засветилась надежда. — Ты бы могла полюбить голкипера?

— Борька! — строго сказала Лида. — Маленьким не полагается говорить на такие темы.

— А почему бы тебе не жениться на парашютисте? — не унимался враг скорняка. — Вот у Шурки Лайкова сестрин муж — парашютист. У него 37 затяжных прыжков.

— Не болтай вздор! — прикрикнула Лида. — Отправляйся учить уроки, балбес!

Молодой Бровкин понял, что от этой женщины нельзя ждать ничего хорошего.

— Женщины неблагоприятны! — сказал Борька где-то вычитанную им фразу.

Борис спустился во двор поделиться своими горестями и посоветоваться с Мишкой Коноплевым.

Одиннадцатилетний Коноплев завоевал среди мальчиков огромную популярность, обучив дворового пса Бобку плевать. Борька искренно гордился его дружбой.

— В нашей семье большое несчастье, — печально сказал приятелю молодой Бровкин.

— Чиж подох? — взволновался Мишка.

— Хуже! — тяжело вздохнул Борис. — Наша Лида выходит замуж за Овечко.

Мишку это сообщение не потрясло. Он швырнул камень в проходящего мимо петуха, заставил Бобку плюнуть через ящик (этого эффектного трюка собака достигла после

двухлетней дрессировки) и только затем спросил:

— Какое же тут несчастье?

Тогда Борька рассказал о жалкой профессии лидино жениха. Узнав, что Овечко шьет кошачьи жакеты, Мишка саркастически усмехнулся. Теперь он прекрасно понимал своего друга. Конечно, каждому уважающему себя мальчику приятно иметь родственником водолаза, зимовщика, аэронавта или, скажем, тигролова. Но шури-скорняк — это, действительно, несчастье. Допустить столь позорный брак нельзя! Но сразу же дать практический совет Мишка затруднился. Он обещал подумать.

Однако вечером произошло событие, которое сделало ненужными все мишкины советы и навсегда примирило ученика второго класса Бориса Бровкина со скорняком Андреем Овечко. Вечером, за ужином, жених Лиды прочел письмо, полученное им из Арктики:

«Уважаемый тов. Овечко!

Мы, зимовщики острова Трех ветров, благодарим за отлично изготовленные для нас кухлянки и унты. Вы прекрасный мастер своего дела. В меховой одежде вашей работы нестрашны арктические холода. Своей высококачественной продукцией вы намного облегчили нашу зимовку. Еще раз спасибо за унты и кухлянки.

С полярным приветом
начальник зимовки П. Кочетков».

С первых же строк письма у Борьки перехватило дыхание как на морозе. Он мысленно перенесся на суровый берег острова Трех ветров и бродил в огромной кухлянке с карабином в руках среди беснующихся собачьих упряжек, моржей, торосов и белых медведей.

В этот вечер Бориса Бровкина никак не могли загнать в постель. Он задавал скорняку все новые и новые вопросы, неумолимый и настойчивый как следователь.

На другой день Борька чувствовал себя именинником и находился в центре внимания всех своих сверстников.

— А Чкалову он унты тоже шил? — допытывался у приятеля Мишка, слава которого в этот день померкла.

Борька снисходительно посмотрел на владельца ученого пса и не задумываясь ответил:

— Конечно, шил. И меховые штаны для Водопьянова.

— А для папанинцев?

— Он, брат, для всех шьет! — вдохновенно врал Борька, не желая ронять престижа Овечко. — И Молокову, и Шмидту, и Коккинаки. Сейчас он левый унт для Марины Расковой заканчивает вместо того, что она в болоте оставила.

— А из тигров унты делают? — заискивающе спросил родной брат «левого края» команды «Смерч».

Это был коварный вопрос для Борьки, совсем недавно мечтавшего убежать в уссурийскую тайгу и сделаться тигроловом. Но он взял себя в руки и твердо ответил:

— Из тигровых шкур ничего не делают.

А потом добавил совсем как Андрей Овечко:

— Тигры — это декоративный товар.

Е. и С. ШАТРОВЫ

ОТКРОВЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Редакция «Пищевой индустрии» в заботах об увеличении подписчиков на свою газету прибегает к весьма оригинальным средствам рекламы. В специальных «подписных листах», рассылаемых редакцией по предприятиям, она упорно настаивает, что

стахановец, хозяйственник, инженер, мастер, студент — все работники пищевой промышленности должны выпивать и читать свою газету «Пищевая индустрия».

Газета — в качестве закуски?! Неслыханно! Чудовищно!

Хотя, постойте, постойте... Ведь ходят же слухи, что «Пищевая индустрия» среди газет — ни рыба, ни мясо...

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Я получил заявление двух студентов. Они окончили московский вуз, и их направляли на периферию. По состоянию здоровья и по другим причинам выехать из Москвы они не могли и просили меня, если это только возможно, помочь.

11 сентября я переслал оба заявления в Наркомздрав: разобраться, мол, дорогие товарищи, основательны ли просьбы студентов, и ответьте им, пожалуйста, по существу.

Прошел месяц, а от Наркомздрава ни звука. Звоню в Наркомздрав. Мне говорят, что через день дадут ответ. Через несколько дней я звоню заместителю наркома тов. Проппер-Гращенко: ведь я обязан дать ответ своим избирателям в течение семи дней. Заместитель наркома меня успокоил, обещал срочно выяснить, где находятся заявления, и лично ими заняться.

И, действительно, через день — два пришел ответ: «чтобы означенный вопрос был рассмотрен, необходимо представление заявления (!) и документов о состоянии здоровья, которые при вашем отношении не были приложены».

49 дней потребовалось Наркомздраву для такого ответа! Что говорить, медленно и туго думают в Наркомздраве СССР!

Наркомздрав лечит других. А вот кто его излечит? Диагноз можно установить легко, не будучи врачом, — бюрократизм.

И. ГУДОВ,
депутат Верховного Совета Союза ССР.

Уважаемый Крокодил!

Подписали эту бумажку заместитель начальника Золотопродснаба на руднике «Коммунар» Березовский и начальник торгового отдела Устюжанин. Она была размножена во многих экземплярах и разослана

всем цехам рудника «Коммунар». В ней значится:

«Вследствие того, что овощехранилище подверглось ливню дождя, картофель и лук совершенно вымокли ввиду, чего требуется срочной реализации».

Золотопродснаб обращается ко всем начальникам цехов и профорган широко объявить всем рабочим, чтобы они в ближайшие два дня приобрели картофель и лук иначе эти овощи погибнут и рабочие останутся без них».

А я, дорогой Крокодил, посылаю эту бумажку тебе. Потому нахожу, что она, как и овощи, требует срочной реализации. Собственно не она, а факты, изложенные в ней. А также и неизложенные. Например тот, что овощехранилище это значит только что отремонтированным. И не как-нибудь, а капитально.

Или тот факт, что никаких атмосферных осадков, кроме обычных, мелких осенних дождей, в нашей местности последнее время не было.

Или тот факт, что вся эта история с порчей овощей в негодном отремонтированных овощехранилищах до сих пор неизвестна ни прокуратуре, ни судебным органам.

А поскольку сами Березовский и Устюжанин послать им подобного извещения не догадались, — не возьмешь ли ты, Крокодил, на себя труд — исправить эту досадную ошибку?

М. ГЛАДЫШЕВ,
заведующий учебной частью средней школы.

Рудник «Коммунар»,
Хакасской авт. области.

Дорогой Крокодил!

Недавно в нашем городе горсовет выстроил новый фильтр для очистки арочной воды. Хороший фильтр! Прекрасную питьевую воду получило население!

«Почему бы не выстроить такие же фильтры в колхозах? Пусть колхозники тоже пьют вкусную, чистую воду», — подумала я и поручила гидротехнику нашего районного земельного отдела скопировать чертежи фильтра.

Но не тут-то было. Председатель городского совета Плеве встал, как говорится, на дыбы:

— Как? Копировать чертеж? Не дам! Этот чертеж — секрет изобретателя!

Так и остались наши колхозы без фильтров...

Обращаюсь с просьбой к тебе, дорогой Крокодил: не можешь ли ты дать мне чертеж фильтра? Но уже не для очистки воды, а для фильтрации мозгов председателя горсовета. Боюсь, что они нуждаются в очистке не меньше чем осенняя арочная вода!

ЭДЖЕБЫЗ АЙДОГДЫЕВА,
депутат Верховного Совета СССР,
город Байрам-Али,
Туркменская ССР.

Товарищ Крокодил!

Можно ли отменить или, в крайнем случае, отсрочить зиму? Если

можно, сообщи об этом директору нашего Бобруйского лескомбината тов. Кузнецову. Положение у него незавидное: зима на носу, а к ремонту рабочих жилищ не приступали до сих пор. Правда, о ремонте начали говорить в августе. Но сначала не было денег, а когда появились деньги, не нашли строительных рабочих. Когда же завербовали рабочих, выяснилось, что нет всех строительных материалов.

Приходит рабочие к Кузнецову, а он направляет их в завком. Завком пишет бумажку директору.

Так, должно быть, и полагают бумажками заткнуть дыры на крышах. А зима не ждет...

МАКАР БЕЛЯКОВ,
депутат Верховного Совета БССР

Дорогой Крокодил!

Нет ли у тебя руководства по забавам и развлечениям для детей старшего возраста? Оно мне очень нужно для подарка секретарям нашего райкома ВКП(б) тт. Жижину и Аксеновскому.

А то они, не зная, видно, чем бы им заняться, берут в наших судах для личного просмотра незаконченные уголовные дела. На возмущения же и протесты работников суда заявляют:

— Помалкивайте!

Так, за короткое время райком забрал из суда уголовные дела на П. Г. Платонова, обвиняемого в растрате, В. И. Красикова, обвиняемого в превышении власти, и Нестерова, обвиняемого в оскорблении.

Боюсь, что такие забавы до хорошего не доведут Жижина и Аксеновского. А поэтому и обращаюсь к тебе с вышеупомянутой просьбой.

А. ДИТЯТЬЕВ,
народный следователь,
город Никольск,
Вологодской области.

Дорогой Крокодил!

Известно, что жизнь Эдиссона достойна пера поэта. Известно, что многое в трудах этого гения науки похоже на сказку.

Но рассказывать небылицы, описывая жизнь Эдиссона, все-таки не стоит. А Борис Четвериков, автор романа из жизни Эдиссона, увлекся и...

Вот на странице 157, в первой главе третьей книги своего романа «Деловые люди», опубликованного в седьмой книжке журнала «Литературный современник», Борис Четвериков уверяет, что

«поэт Дембар продал стихотворение кинофабрике...»

А в романе описываются 70-е годы прошлого столетия. Лампочка накаливания еще не существовала и в природе. Эдиссон еще не изобрел ее. Не успел, так сказать. Принципы кинематографии станут известны лет через двадцать. Кинофабрика, к огорчению Б. Четверикова, строить еще не начали. И хотели бы, да...

Не всякое изобретательство достойно похвал.

НИКИТА БОГОСЛОВСКИЙ,
композитор.

Ленинград.

Уважаемый Крокодил!

Был в Москве конно-спортивный клуб Московского добровольного общества «Строитель». Ну, были, как полагается, лошади, конюшни и прочий живой и мертвый инвентарь. Не заботясь о лаврах и славе, 119 юношей и девушек занимались в клубе, готовясь получить звание ворошиловских всадников.

Но эти самые чужие лавры не давали спокойно спать председателю ЦК союза строителей тяжелой промышленности центра и юга т. Моисееву и председателю центрального совета спортобщества т. Царьгородцеву. Эти лихие джигиты еще в мае текущего года провели первую атаку против клуба.

— Это не клуб, а фикция, — заявили Моисеев и Царьгородцев на всесоюзной конференции спортивного общества, — так сказать, митраж и фата моргана. И лошади у вас фиктивные, и конюшни липовые, и всадники ненастоящие.

4 июня клуб был подрублен под корень, как лоза на полном скаку, специальным постановлением ЦК союза: начальник клуба Иванов и завхоз Зетельников были сняты с работы и отданы под суд.

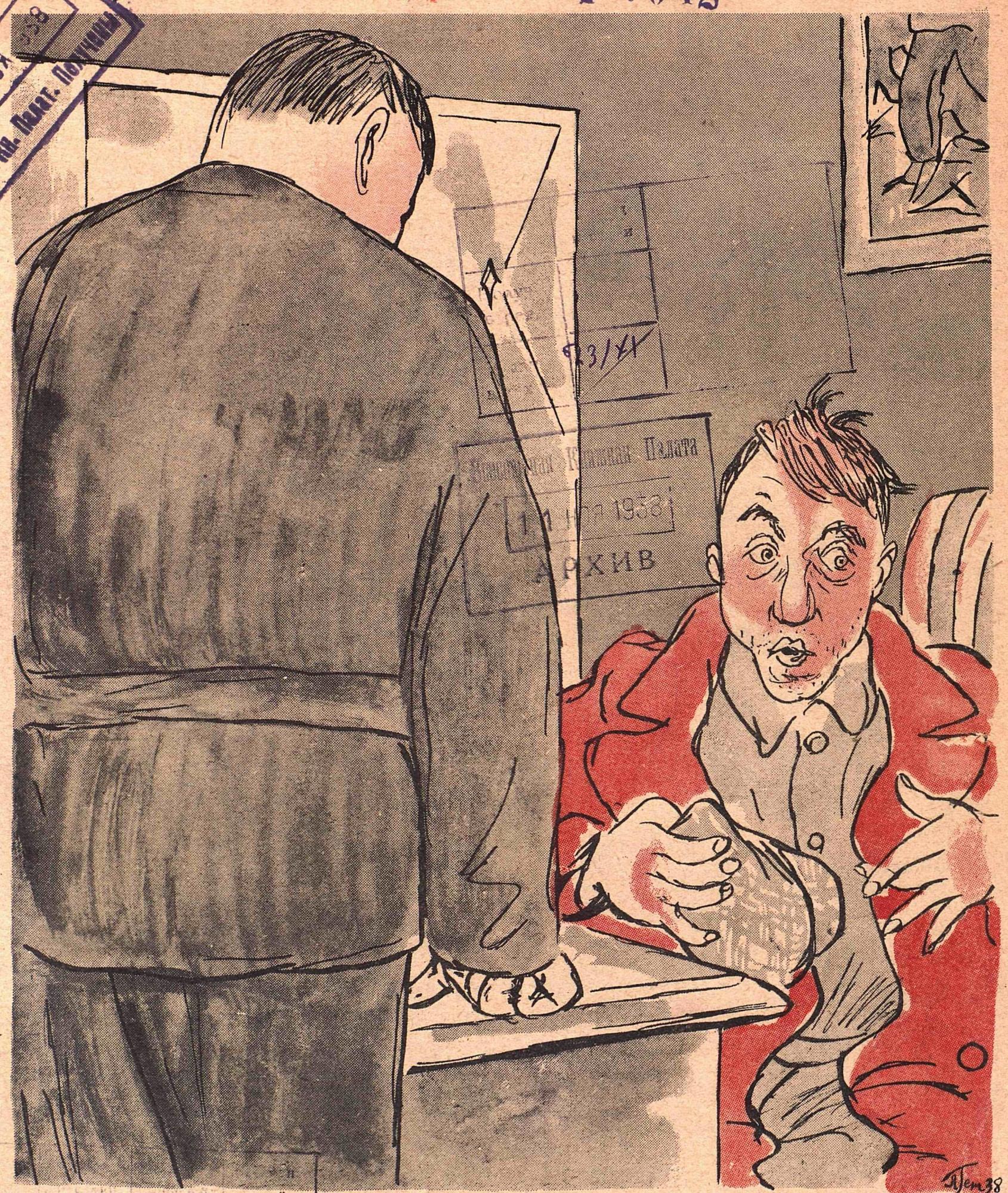
Через несколько дней ЦК союза переименовал упомянутый «фиктивный» клуб в Центральную конно-спортивную школу общества «Строитель», а недавно отданного под суд Иванова назначил ее начальником.

Дорогой Крокодил! Несомненно, что ЦК союза продемонстрировал в данном случае поразительную ловкость рук. Очень обидно, что ВЦСПС еще не оценил по достоинству эти нечистоплотные фокусы.

Б. ХАДЖИ-МУРАТ,
член президиума московского совета спортобщества «Строитель»
Москва.

45
 ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
 25 НОЯ 1958
 СССР. НК. Палат. Печать

М7042 ✓

	9/XI	
1 ден в архив	10/XI	25/XI

В ОТДЕЛЕ КАДРОВ

Рис. Л. Генча

— Вы просите людей, а почему не выдвигаете из своей же организации?
 — Да из своих нет ни одного проверенного на работе!..